

Ли Жун протёрла глаза, выпрямилась и принялась снова есть засахаренные сливы. — Не надо. Я составлю тебе компанию. Если на душе одиноко, сможешь со мной поговорить. Может, я и не пойму всего, но выслушаю.

Она, видимо, твёрдо решила, что говорить с самим собой — дело невыносимо тоскливое. Су Янь, не в силах переубедить, высвободил одну руку, сдвинул их подушки поближе и позволил Ли Жун уснуть у себя на груди. Вскоре он услышал ровное дыхание, выдававшее, что она спит, лишь ритм был чуть учащённым обычного.

Ли Жун с детства была слаба здоровьем, из Цзиньлина не выезжала, болезненная девица, возвращённая в тереме. Су Янь обнял её, вдыхая никогда не выветривавшийся лёгкий запах лекарств, и в груди заняла пустота.

Ночь глубока. Свет лампы в молельне, будто бобовое зёрнышко, прыгал в его зрачках. В зимнюю полночь не слышно даже сверчков, вся Поднебесная будто погрузилась в сон. Ни снега, ни луны — тяжёлое, низкое небо давило, не давая вздохнуть.

Он думал о словах Ли Жун: она сказала, что ему одиноко.

Тогда он ещё не понимал, как она это разглядела. Лишь много позже, вспоминая Ли Жун, Су Янь с изумлением осознал: та новогодняя ночь, пожалуй, стала моментом их наибольшей близости.

Праздники пролетели в визитах к родне да в сидении у жаровни. От безделья Су Янь чувствовал, как кости ржавеют. Ли Жун откуда-то раздобыла котёнка и держала его во дворе. Гонялась за ним туда-сюда, госпожа Цао хотела остановить, но Су Янь сказал:

— Пусть бегают. Движение на пользу.

Хворь Ли Жун была врождённой. По словам лекарей, неполадки с сердцем и лёгкими можно было лишь облегчать покоем, но не излечить. Су Янь не спрашивал, почему её выдали за него — боялся, чтоб не задумалась лишнего, — потому во многом ей потакал. Ли Жун, освоившись, перестала дичиться, иногда сама рассказывала ему о делах в усадьбе.

Год должен был пройти в покое, но Су Янь всё время ощущал непонятную тревогу, беспричинное беспокойство, предчувствие грядущей беды.

После пятнадцатого числа возобновились придворные собрания. Сяо Янь, только что поигравший с Седьмым князем и пребывавший в благодушии, готов был выслушать доклады, как вдруг Великий Сыкун подал записку, повергшую весь Чертог Великого Предела в оцепенение.

Хуянь Ту, по старой привычке, собрал войско и встал лагерем у Заставы Яньмэнь, готовый в любой момент ударить.

Застава Яньмэнь находилась на самом севере. Поскольку тюркская ставка располагалась ближе к Заставе Юньмэнь, там-то и не было сильных гарнизонов, да и пахотных земель вокруг — раз-два и обчёлся, население редкое. Но Застава Яньмэнь — северные врата Нань Лян. Коль падёт, тюркская орда хлынет на юг, сметёт Цзиньян с Тунгуанем, возьмёт старую столицу да Лоян. Случись такое — все области к северу от Янцзы окажутся в тюркском мешке!

Те унижительные годы, когда им грозили разделом по реке... Всё ещё стояли перед глазами.

Су Чжи, получив указ, помчался в Большой лагерь в Саду Нань собирать войска — выступать надлежало немедля. Су Янь думал, что его не возьмут, но на сборе услышал своё имя.

— Шэнь Чэнцзюнь возглавит триста всадников Гвардии доблестной кавалерии. Чжан Ли останется в Северном Суйчжоу и в случае чего немедленно запросит подкрепление у начальника округа Инчжоу... И Су Янь. Су Янь — в поход, — отрезал Су Чжи, захлопнул донесение, вручил Шэнь Чэнцзюню и метнул на Су Яня взгляд. — Выступаем завтра.

Приказ отдан, все разошлись по делам. Су Янь застыл на месте, с великим трудом скрывая, как рвётся наружу ликование.

Су Чжи впервые разрешил ему идти в поход. Не ведающий ужасов поля боя, не нюхавший крови юнец смутно предвкушал: вот сейчас начнётся исполнение его предназначения.

Как может тянуться ночь? Су Яню почудилось, будто он увидел несколько сумбурных снов. То ему мерещились поля, усыпанные телами, белеющие на пустошах кости, несметные железные рати. То слышались южные напевы, песни девушек, собирающих лотосы, над цветущими протоками. Во сне пролетели весна, лето, осень и зима, и когда картина застыла на одном весеннем дне его детства, Су Янь резко проснулся.

Не понимал, что на него нашло, — приснился же Сяо Цичэнь.

Раз проснувшись, уже не заснёшь. Су Янь осторожно поднялся, стараясь не разбудить Ли Жун, взял одежду и вышел переодеваться в восточный флигель. Проверил меч и длинный лук: «Лазурное море» по-прежнему остр, колчан полон.

Приведя всё в порядок, он вынул из-за пазухи расшитый мешочек.

Накануне, перед сном, Ли Жун его увидела, решила — подарок от какой-нибудь девицы, расспрашивала. Су Янь, витая в облаках, ответил честно:

— С детства при мне. Не девушка дарила.

За долгие годы мешочек стал привычной частью тела, всегда при нём. Внутри по-прежнему лежали успокоительные травы. Порой Су Яню чудилось, будто носит он его с младенчества, и лишь взглядевшись в стежки, вышивавшие белого журавля, вспоминал: это — вещь покойной матери Сяо Цичэня, та ему подарила.

При этой мысли Су Янь вдруг распахнул шкаф в кабинете, достал с самой глубины маленькую шкатулку. Глубоко вдохнул, открыл. Чёрный и белый, два отполированных до глянца камешка покоились внутри.

Су Янь сжал их в ладони, пытаясь припомнить странную улыбку Сяо Цичэня из сна. В конце концов положил оба в мешочек — иначе на душе неспокойно.

Он оставил Ли Жун два письма. Одно — ей, другое — с просьбой передать Се Хуэю. В нём — пустая болтовня, но он надеялся: Се Хуэй прочтёт, расскажет Сяо Цичэню.

Когда всё было готово, на востоке забелела полоска зари. Су Янь оглянулся на абрикосовое дерево во дворе, уголки губ дрогнули. — В этом году твоего цветения не дождусь.

Войско выступало в поход. Провожающих не было.

Су Чжи, сидя в седле, вдруг повернулся к Су Яню. — Веса при дворе не в нашу пользу. Настроение императора — как угадать. Отныне так будет всегда. Привыкай.

До Заставы Яньмэнь от Цзиньлина — тысяча ли. Даже форсированным маршем — несколько дней. Хотя Су Чжи и был назначен главнокомандующим, пограничная армия ему не подчинялась, в распоряжении — лишь войска четырёх округов. А обстановка за заставой оставалась туманной — никто не решался действовать опрометчиво.

Двигаясь на север, к Бинчжоу Су Янь чувствовал невиданную усталость. Остальные же, хоть и пыльные, устали не казались. «Видно, разница между долгими походами и первым выступлением, — подумал он. — Нельзя ударить в грязь лицом перед Шэнь Чэнцзюнем». И стиснул зубы.

В Цзиньяне сделали короткий привал. Су Чжи, используя тигриную бирку и печать хоу Пиньюаня, собрал гарнизонные войска Бинчжоу — набралось меньше двадцати тысяч. Шэнь Чэнцзюнь, как и полагалось, принял золотую печать хоу и отбыл на восток, в округ Иньчжоу, за подкреплением. Остальное войско после ночного отдыха на следующий день двинулось к городу Гуанъу у Заставы Яньмэнь.

Место это — западное горло Тайханшаня. К юго-востоку от Гуанъу находился плац, где и стоял лагерь гарнизон. Горожане, заранее предупреждённые о близости войны, либо бежали всем семейством, либо наглухо закрыли ворота.

Су Чжи взял Су Яня с собой, проехал вокруг Гуанъу верхом.

Впервые оказавшись так далеко, Су Янь увидел: Великая застава Яньмэнь не была столь грозной, как он воображал. Стояла она широко и основательно, стены толстые, прикрывала город с севера. За заставой высились горы Яньмэнь и Лун, каждую весну через проход тянули на юг гусиные косяки. За пределами — бескрайние жёлтые земли, окаймлённые оврагами, ни намёка на степные просторы.

— Не так, как думал, да? — вдруг сказал Су Чжи. — За Заставой Юньмэнь степи видны, а здесь — иначе.

Су Янь промычал в согласии.

— Застава Яньмэнь — северный форпост уже несколько сотен лет. У подножья горы Лун спят вечным сном многие воины. При прежних династиях застава никогда не была взята. Так что нам её ни в коем случае нельзя утратить. Пробьются тюркские варвары — потревожат покой предков!

Изначально в его сердце кипел скорее пыл, нежели сознание долга, но после кратких слов Су Чжи внезапно вспыхнула решимость. — Так точно, — ответил он почтительно. — Как прикажет главнокомандующий, так и поступлю.

— Славный малец, — небрежно потрепал его по голове Су Чжи, одарив скупой улыбкой. — Ступай в свою палатку. Чуть позже, ночью, обсудим оборонительные сооружения. Подождём Шэнь Чэнцзюня.

Су Янь согласился, пришпорил Цзинфаня и помчался к месту стоянки.

Вернувшись на плац, он не успел перевести дух, как увидел странную картину. Су Янь, новичок здесь, не знал, чем обычно заняты здешние солдаты. Увидев кучку народа, сбившегося в круг, он, не раздумывая, бросился туда.

<http://bllate.org/book/15940/1425155>